

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.16>

«АРАБСКИЙ КОД» В ЛИРИКЕ К. БАЛЬМОНТА

Научная статья

Акимова Т.И.^{1*}, Ибрагим К.²

¹ORCID : 0000-0002-6120-1784;

¹ Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация

² Университет Салахаддин, Анкара, Ирак

* Корреспондирующий автор (akimova_ti[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования арабского культурного кода в лирике К. Бальмонта, определяется понятие «культурный код», анализируется поэтика Востока трёх поэтических книг писателя-символиста: «Под Северным небом», «Горящие здания», «Будем как Солнце». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения «арабского кода» в «восточном тексте» поэтов серебряного века, научная новизна заключается в осмыслении встречающихся в творчестве К. Бальмонта отдельных поэтических мотивов и образов, имеющих отношение к арабской литературе и культуре, именно как арабского культурного кода, который позволяет не только восполнить «восточный текст» русской литературы серебряного века, но и расширить представление о русско-арабских связях конца XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: арабский культурный код, творчество К. Бальмонта, образ пустыни, образ воина-кочевника, символ змеи, скорпиона, собаки, зороастрийские образы, жанр гимна, образ Ассура.

"ARABIC CODE" IN THE POETRY OF K. BALMONT

Research article

Akimova T.I.^{1*}, Ibrahim K.²

¹ORCID : 0000-0002-6120-1784;

¹ National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

² SaLahaddin University, Ankara, Iraq

* Corresponding author (akimova_ti[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the problem of formation of the Arabic cultural code in the lyrics of K. Balmont, defines the concept of "cultural code", analyses the poetics of the East of three poetic books of the symbolist writer: "Under the Northern Sky", "Burning Buildings", "Let's be like the Sun". The relevance of the study is determined by the need to study the "Arabic code" in the "oriental text" of the poets of the Silver Age, the scientific novelty lies in the comprehension of individual poetic motifs and images in the work of K. Balmont, which are related to Arabic literature and culture, as an Arabic cultural code, which allows not only to fill in the "oriental text" of Russian literature of the Silver Age, but also to expand the idea of Russian-Arabic relations of the late XIX – early XX centuries.

Keywords: Arabic cultural code, work of K. Balmont, image of desert, image of nomadic warrior, symbol of snake, scorpion, dog, Zoroastrian images, hymn genre, image of Assur.

Введение

Тема Востока в творчестве К. Бальмонта занимает важное место. Это и дань поэтического увлечения многочисленными религиозными культурами, которые рассматривались российскими писателями в конце XIX века как выход из позитивистского мировоззренческого тупика, это и расширение художественной впечатлительности, подкреплённое длительными путешествиями Бальмонта по экзотическим странам, это и традиция европейской ориенталистики [7], [16], [17], ярко расцветшая в поэзии французских поэтов второй половины XIX столетия. На значительность этой части художественного наследия Бальмонта для развития русской литературы, указывали многие бальмонтоведы, которые видели изучение «восточного текста» через отдельные сегменты, определяемыми спецификой культурной традиции: образы японской поэзии, китайской, египетской и т. д. [1], [9], [18]. В этой связи особняком стоит «арабский код» «восточного текста» [2], дешифруемый и осмысливаемый гораздо реже вышеупомянутых в культуре серебряного века. Необходимостью выделить и рассмотреть именно «арабский след» в «восточном тексте» бальмонтовской поэзии, который во многом расширит представление о поэтике Востока в творчестве писателей серебряного века, и определяется актуальность данного исследования.

Научная новизна представленной работы заключается в осмыслении встречающихся в творчестве К. Бальмонта отдельных поэтических мотивов и образов, имеющих отношение к арабской литературе и культуре, именно как арабского культурного кода, который позволяет не только восполнить «восточный текст» русской литературы серебряного века, но и расширить представление о русско-арабских связях конца XIX – начала XX веков.

Методы и принципы исследования

Понятие «культурный код» впервые встречается в русской семиотической школе, прежде всего в работах Ю. М. Лотмана, например, о «знаковом механизме культуры», где учёный переводит понятие «код» из коммуникативной сферы (как механизм передачи информации от адресанта к адресату) в культурологическую, в которой «код» выступает способом передачи текста культуры от одного коллектива другому, актуализирующему своеобразную «систему диалогов и полилогов» [13, С. 66]. Итак, если Лотман вносит в понятие «культурный код» элемент компаративистский, указывающий на связи одной культуры с другой, то французские структуралисты акцентировали внимание на дешифровке текста, при которой «код» предстаёт строительным его элементом. Эту особенность теоретических размышлений Р. Барта отмечал Г. Косиков: «изучение «источников» и «влияний» покрывает лишь ту – весьма незначительную – часть текста, где сам автор ещё не вполне утратил сознательную связь с культурным контекстом, между тем как на деле всякий текст сплетён из необозримого числа культурных кодов (выделено Г. Косиковым), в существовании которых автор, как правило, не отдаёт себе ни малейшего отчёта, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно» [10, С. 395]. Сам Р. Барт определял культурный код как перспективу «множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур <...>; единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что уже было читано, видно, сделано, пережито: код является следом этого "уже"» [10, С. 395].

В настоящее время понятие «культурный код» используется разными научными направлениями, что подчёркивает В.М. Савицкий, утверждая, что «код – это система знаков, выступающая в определенных функциях; культурный код – это образная система культуры в ее семиотическом аспекте; лингвокультурный код – это культурный код, который получил воплощение в естественной языковой субстанции» [15]. Таким образом, обращаясь к понятию «культурный код» в литературоведении, мы будем говорить о таких литературных проявлениях в произведении (как на уровне тем, мотивов, образов, так и на уровне стиховедческого решения), интерпретируемых нами как относящихся к определённой национальной традиции, в случае с творчеством К. Бальмонта – всё, отражающееся в его поэтических текстах, интерпретируемых нами как элемент арабской культуры.

Основные результаты

Как и В. Брюсов, Бальмонт стремился к целостности культурного претворения различных мифологических сюжетов, прежде всего архаичных, решая задачу воссоздать «панораму истории человеческой цивилизации от "утра вселенной" до апокалипсиса» [12, С. 5]. С 1910-х гг., после посещения поэтом Египта, формируется концепция, в ходе реализации которой древние космогонические миры разных стран начинают планомерно влиять на восприятие Бальмонтом современности [14]. Однако создание «арабского кода» в лирике символиста начинается чуть ли не с первых поэтических сборников, что было обусловлено про-французской символистской ориентацией поэта. Так, в стихотворении «Нить Ариадны» (1894) из поэтического сборника «Под Северным небом» уже появляется южный пейзаж как антитеза российским картинам природы и мировоззрению автора.

Есть много не сказанных слов,

И много созданий, не созданных ныне, –

Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных песков,

В немой Аравийской пустыне [4, С. 27].

Эта же мысль звучит и в других стихотворениях сборника:

Как бледный Север мне и ближе, и милее,

Чем светлый знойный Юг с своею красотой [4, С. 36].

В то же время за чуждостью экзотического пейзажа у Бальмонта проступает желание изучать другую культуру. В стихотворении «Песнь Юдифи» упоминается Ассур, родоначальник Ассирии и одноименного города [5]: С северных гор, из далёкой земли, / Полчища вражьих Ассур пришли / Как саранча, не десятки, а тьмы, / Конница их заняла все холмы [4, С. 40]. С этого момента мотив завоевания христианского мира пришельцами с Востока становится сквозным в лирике поэта-символиста.

В сборнике стихов «Безбрежность» (1895) экзотический пейзаж не отчужден, он оказывается понятным и притягательным для лирического героя, как в стихотворении «Пустыня»:

А образ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,

Войдя, не выходит из сердца, навек отравляет мечты [4, С. 60].

Образ пустыни, как и сухой степи, нагляднее всего отвечали декадентским мотивам Бальмонта раннего периода творчества:

Месяц меркнет, омрачается,

Догорающий и тающий,

И, дрожа, ковыль качается,

Точно призрак умирающий [4, С. 64].

В традициях символистской поэтики образ пустыни предстаёт у писателя не только элементом экзотического пейзажа, но и сутью декадентского мироощущения:

Бесплодно скитанье в пустыне земной,

Близнец мой, страданье, повсюду со мной.

Где выход, не знаю, – в пещере темно,

Всё слито в одно роковое звено [4, С. 68].

И снова за образами смерти и разрушения встают образы созидательные – таинственного, пленительного, «возрожденного Востока» (выражение самого поэта), в связи с чем Бальмонт одним из первых из поэтов-символистов начинает стилизовать восточную образность, например, в стихотворении «Ручей (из восточного)»:

И, под шелест листка, ветерка поцелуй

Заволнует твою белоснежную грудь,

И застенчивым лилиям в зеркало струй

На себя будет любо украдкой взглянуть [4, С. 73].

Тема Востока для многих поэтов серебряного века воспринималась сквозь любовные мотивы, актуализирующие телесность, яркие краски и воспевание женской красоты. У Бальмонта тема любви вплетается в созданные ранее оппозиции пустыни – земли, дня – ночи, солнца – луны:

Ты была как оазис в пустыне,
Ты мерцала стыдливой звездой,
Ты Луною зажглась золотой,
И тебе, недоступной богине,
Отдавал я мечту за мечтой [4, С. 85].

За абстрактными образами автор рисует конкретные символы, восходящие к персидской поэзии в стихотворении «Три символа»:

Явились в мир уже давно, – в начале
Наивных и мечтательных времен,
Венчанный змей, собака, скорпион,
Три символа в Персидском ритуале [4, С. 163-164].

Именно в этом произведении поэт обращается к зороастризму в поиске художественных образов и воссоздаёт два мифологические существа: Бога добра и света – Ормузду и Бога тьмы – Ахримана, находящихся в состоянии вечного противоборства и вовлекающих в эту борьбу человека:

Но против духов тьмы стоит собака.
Ее Ормузд послал к своим сынам, –
Когда весь мир уснет, уступит снам,
Она не спит среди ночного мрака [4, С. 164].

Таким образом, обозначенные Бальмонтом символы являются своеобразными векторами пути, который выбирает человек для постижения смысла жизни и для воссоединения с Богом:

Ничтожен скорпион, бессилён змей,
Всевластен свет лучистого владыки,
Во тьме ночной звучат над миром клики:
«Я жду! Будь тверд! Я жду! Благоговей!» [4, С. 164].

По сути дела, жанром молитвы можно считать стихотворение «Звезда пустыни», открывающееся «словами одного бедуина»: «Иногда в пустыне возникают голоса, но никто не знает, откуда они» [4, С. 198]. В этом стихотворении образ пустыни сращивается с образом ищущего веры человека и не расходится с общими декадентскими мотивами и образами, свойственными поэзии старших символистов.

В следующей книге стихов «Горящие здания» поэт закреплял найденные мотивы и образы в предшествующих сборниках и концентрировался на работе над поэтической техникой – музыкальностью стиха. В цикле «Отсветы зарева» Бальмонт объясняет свой мировоззренческий переворот вбиранием в себя другой культуры, противопоставленной западной:

Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь! [4, С. 210].

В связи с этим и возникает образ скифов как следствие принятия автором другой культуры, отзвуки которой можно было найти и в российской до XVIII века, и которая есть единое пространство для диалога и взаимодействия:

Мы блаженные сонмы свободно кочующих Скифов,
Только воля одна нам превыше всего дорога.
Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов,
От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага [4, С. 215].

Образ кочевого и воинственного народа запечатлевается в поэзии Бальмонта как сила, направляемая чьей-то неведомой волей. Следует отметить, что поэтическая мысль Бальмонта из стихотворения в стихотворение уходит вглубь веков, автор вновь устремляется взором в пустыню, но ищет там уже не столько молящегося человека, сколько мудреца и пророка – такого, как, например, Гермес Трисмегиста:

Ты со мною везде и безгласно твердишь о святыне,
Как глубокий покой задремавшей Либийской пустыни /
Ты в венце из огня предо мною, о, бог многоликий,
О, Гермес Трисмегист, о, мудрец троекратно великий! [4, С. 279].

В стихотворении «Из Зенд-Авесты» Бальмонт вновь обращается к верованию зороастризма и представляет на суд читателей не только сонм божеств (Гаома, Веретрагна, Тистрия, Агурамазда), но и стилизует форму священной книги персов, состоящую в основном из жанра гимна и жертвенной песни. Именно гимном и заканчивает поэт это стихотворение:

О, ты, всегда единый в разных формах!
Пресветлый бог порядка, Ашаван!
Агура, пышно-царственный властитель!
Датар, создатель света, бог огня!
Всевидящий, всеведущий, Маздао! [4, С. 284].

Древнее божество, олицетворяющее силы добра, вновь появляется в стихотворении «Скорь Агурамазды» из книги «Будем как солнце», в котором оно противопоставляется образу Анграмайни:

И я, Агурамазда, создал много
Других прекрасных стран,
Гаэтуманту, Варэну, и Рангха, и Семиречье,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
На все набросил зиму, зиму, зиму [4, С. 447].

Обсуждение

Следует отметить, что начиная с первых критических отзывов на поэтические сборники К. Бальмонта рецензенты подчёркивали его умение обволакивать слово многослойными смыслами, извлекаемыми из сокровищницы мировой культуры. Так, И. Анненский отмечал стилизаторские умения Бальмонта, изысканность его речи, которая создаётся «национальным элементом»: чтобы лучше ощутить «златоверхие палаты былинного Владимира» [3, С. 98], «затейливые наигрыши скоморохов» надо было распознать старинный певучий стих среди других мировых поэтических голосов. И, как бы продолжая Анненского, М. Волошин возглашает о том, что «Бальмонт – самый дальностранствующий из всех русских поэтов: он путешествовал по Мексике, он посетил Египет...» [6, С. 538]. Вторым, М. Кузмин указывает на уникальный поэтический слух Бальмонта, особенно проявившийся в его переводах «знаменательных песен разных стран и народов»: «Всё для него – в его чувстве, даже не в чувстве, а в неопределённых волшебных волнах магических звуков поэзии» [11, С. 247]. Будто объединяя все три мнения в единое целое, Н. Гумилёв характеризует талант Бальмонта выразительной формулой: «гордый, как мысль европейца, красочный, как южная сказка и задумчивый, как славянская душа» [8, С. 202].

Заключение

Итак, в трёх первых поэтических книгах К. Бальмонта – «Под Северным небом», «Горящие здания» и «Будем как солнце» – «арабский код» складывается из ряда символов, куда входят, например, образ пустыни, скорпиона, змеи и собаки, с одной стороны, и образов зороастрийского учения, представленного мифологическими божествами Ормузда и Богом тьмы – Ахриманом, а также высшими существами: Агурамаздой и Анграмайни. Более того, поэт значительно расширяет свой поэтический арсенал новыми жанрами, заимствованными из персидской древней книжности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.16.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.16.1>

Список литературы / References

1. Азадовский К. М. Бальмонт и Япония / К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. — Москва: Наука; ГРВЛ, 1990. — 187 с.
2. Алексеев П.В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01 : защищена 2016-03-16 : утв. 2019-11-15 / П.В. Алексеев. — Томск: 2016. — 420 с.
3. Анненский И.Ф. Книги отражений / И.Ф. Анненский. — Москва: Наука, 1979. — 680 с.
4. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 7 т.; / К.Д. Бальмонт. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — Т. 1.
5. Ринекер Ф. Библийская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г.М. Майер. — М.: Российское Библийское Общество, 1999. — 1120 с.
6. Волошин М. Лики творчества / М. Волошин. — Ленинград, 1988. — 848 с.
7. Гаджиева Г.А. Восток в творчестве поэтов и писателей серебряного века как отражение евразийской мысли / Г.А. Гаджиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2015. — 4 (33). — с. 62-66.
8. Гумилёв Н.С. Собрание сочинений в четырёх томах / Н.С. Гумилёв — Москва: Терра, 1991. — Т. 4.
9. Дьяконова Е.М. «Я видел сон, что каждый там поэт...». Образы Японии в поэзии серебряного века / Е.М. Дьяконова // Ежегодник Японии. — 2017. — Т. 46. — с. 283-306.
10. Косиков К.Г. Собрание сочинений: Теория литературы. Методология гуманитарных наук / К.Г. Косиков. — М.: Рудомино, 2012. — Т. 2.
11. Кузмин М. Проза и эссеистика в трёх томах: Эссеистика. Критика / М. Кузмин — Москва: Аграф, 2000. — Т. 3.
12. Куприяновский П.В. Бальмонт / П.В. Куприяновский, Н.А. Молчанова. — Москва: Молодая гвардия, 2014. — 345 с.
13. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2002. — 768 с.
14. Молчанова Н.А. «Всю жизнь хочу создать из света, звука...»: Вопросы поэтики лирики К.Д. Бальмонта / Н.А. Молчанова. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. — 168 с.
15. Савицкий В.М. Культурные и лингвокультурные коды / В.М. Савицкий // Флагман науки. — 2023. — 3. — URL: https://flagmannauki.ru/files/Savitskiy_V.M.pdf (дата обращения: 31.07.2023). — DOI: 10.37539/2949-1991.2023.3.3.023.

16. Спесивцева Л.М. Тема Востока в лирической поэме серебряного века / Л.М. Спесивцева // Гуманитарные исследования. — 2013. — 2 (46). — с. 87-93.
17. Чач Е.А. Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века: дис. ...канд. филол. наук : 07.00.02 : защищена 2012-10-31 : утв. 2013-01-24 / Е.А. Чач. — СПб: 2012. — 338 с.
18. Юрьева О.Ю. Азиатский дискурс в российском культурном сознании начала XX века / О.Ю. Юрьева // III Готтлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности / Под ред. Е.Ф. Серебренникова. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. — с. 516-527.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Azadovskij K. M. Bal'mont i Japonija [Balmont and Japan] / K. M. Azadovskij, E. M D'jakonova. — M.: Nauka; GRVL, 1990. — 187 p. [in Russian]
2. Alekseev P.V. Vostok i vostochnii tekst russkoi literaturi pervoi polovini XIX veka: kontseptosfera russkogo orientalizma [East and the Eastern Text of Russian Literature of the First Half of the 19th Century: the Conceptosphere of Russian Orientalism]: dis...of PhD in Philology: 10.01.01 : defense of the thesis 2016-03-16 : approved 2019-11-15 / P.V. Alekseev. — Tomsk: 2016. — 420 p. [in Russian]
3. Annenskij I.F. Knigi otrazhenij [Books of Reflections] / I.F. Annenskij. — M.: Nauka, 1979. — 680 p. [in Russian]
4. Balmont K.D. Sobranie sochinenij [Collected Works]: in 7 vol.; / K.D. Balmont. — M.: Book Club Knigovek, 2010. — Vol. 1. [in Russian]
5. Rineker F. Bibleiskaya entsiklopediya Brokgauza [Brockhaus Bible Encyclopedia] / F. Rineker, G.M. Maier. — M.: Russian Bible Society, 1999. — 1120 p. [in Russian]
6. Voloshin M. Liki tvorchestva [Faces of Creativity] / M. Voloshin. — Leningrad, 1988. — 848 p. [in Russian]
7. Gadzhieva G.A. Vostok v tvorchestve poetov i pisatelej serebrjanogo veka kak otrazhenie evrazijskoj mysli [East in the Work of Poets and Writers of the Silver Age as a Reflection of Eurasian Thought] / G.A. Gadzhieva // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki [Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanities Sciences]. — 2015. — 4 (33). — p. 62-66. [in Russian]
8. Gumilev N.S. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah [Collected Works in Four Volumes] / N.S. Gumilev — Moskva: Terra, 1991. — Vol. 4. [in Russian]
9. Dyakonova Ye.M. «Ya videl son, chto kazhdii tam poet...». Obrazi Yaponii v poezii serebrjanogo veka ["I saw a dream that everyone there is a poet..."] Images of Japan in Silver Age Poetry / Ye.M. Dyakonova // Ezhegodnik Japonija [Yearbook Japan]. — 2017. — Vol. 46. — p. 283-306. [in Russian]
10. Kosikov K.G. Sobranie sochinenij: Teorija literatury. Metodologija gumanitarnykh nauk [Collected Works: Theory of Literature. Humanities Methodology] / K.G. Kosikov. — M.: Rudomino, 2012. — Vol. 2. [in Russian]
11. Kuzmin M. Proza i jesseistika v trjoh tomah: Jesseistika. Kritika [Prose and essays in three volumes: Essays. Criticism] / M. Kuzmin — Moscow: Agraf, 2000. — Vol. 3. [in Russian]
12. Kuprijanovskij P.V. Bal'mont [Balmont] / P.V. Kuprijanovskij, N.A. Molchanova. — M.: Molodaja gvardija, 2014. — 345 p. [in Russian]
13. Lotman Ju.M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury [History and Typology of Russian Culture] / Ju.M. Lotman. — Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2002. — 768 p. [in Russian]
14. Molchanova N.A. «Vsju zhizn' hochu sozdat' iz sveta, zvuka...»: Voprosy poetiki liriki K.D. Bal'monta ["I want to create all my life from light, sound... ": Questions of the Poetics of Lyrics by K. D. Balmont] / N.A. Molchanova. — Voronezh: Nauka-Junipress, 2011. — 168 p. [in Russian]
15. Savitskij V.M. Kul'turnye i lingvokul'turnye kody [Cultural and Linguocultural Codes] / V.M. Savitskij // Flagman nauki [Flagship of Science]. — 2023. — 3. — URL: https://flagmannauki.ru/files/Savitskiy_V.M.pdf (accessed: 31.07.2023). — DOI: 10.37539/2949-1991.2023.3.3.023. [in Russian]
16. Spesivtseva L.M. Tema Vostoka v liricheskoj poeme serebrjanogo veka [The Theme of the East in the Lyrical Poem of the Silver Age] / L.M. Spesivtseva // Gumanitarnye issledovanija [Humanitarian Studies]. — 2013. — 2 (46). — p. 87-93. [in Russian]
17. Chach Ye.A. Orientalizm v obshchestvennom i khudozhestvennom soznanii serebrjanogo veka [Orientalism in the Social and Artistic Consciousness of the Silver Age]: dis...of PhD in Philology: 07.00.02 : defense of the thesis 2012-10-31 : approved 2013-01-24 / Ye.A. Chach. — SPb: 2012. — 338 p. [in Russian]
18. Yureva O.Yu. Aziatskii diskurs v rossiiskom kulturnom soznanii nachala KhKh veka [Asian Discourse in the Russian Cultural Consciousness of the Early Twentieth Century] / O.Yu. Yureva // III Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti [III Gottlieb Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asia-Pacific Region in the Focus of Our Time] / Ed. by Ye.F. Serebrennikova. — Irkutsk: Irkutsk State University, 2019. — p. 516-527. [in Russian]